

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ  
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ  
ИМ. ПРОФЕССОРА В.И. СТАРЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛТОРАК»

## **Историко-психологические аспекты 1917 г.**

Материалы XLII Международной научной  
конференции  
Санкт-Петербург, 4 декабря 2017 г.

Санкт-Петербург  
«Полторак»  
2017

**Овчарова Е.Э.**

Прогнозы Анатоля Франса на развитие исторических процессов в XX в. ....80

**Ольшевский В.Г.**

И.Э. Гуковский как субъект и объект психологической истории .....87

**Партаненко Т.В.**

Возраст революции, революция возраста .....94

**Сапфилова Н.Н.**

Путь к эмиграции как историко-психологическая проблема. Семья киевского ювелира Маршака в 1918–1920 гг., по воспоминаниям внучки ювелира Нелли Пташкиной.....98

**Скурлов В.В.**

Историко-психологические аспекты профессии ювелира в 1917 г....105

**Филатов Т.В.**

Психологические особенности красного и белого террора .....113

**Фруменкова Т.Г.**

«От гуда дрожит взбудораженный Смольный» (история размещения Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в здании Смольного института в 1917 г.) .....118

Список участников XLII конференции .....124

Для заметок

ББК 63  
И 73

Под редакцией  
доктора исторических наук, профессора  
*Сергея Николаевича Полторака*

Историко-психологические аспекты 1917 г.: Материалы XLII  
Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 4 декабря 2017 г./ Под ред. д-ра  
ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2017. 130 с.

В сборник материалов конференции вошли работы исследователей из  
США, Минска, Киева, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Петрозаводска. В  
них рассматривается широкий круг историко-психологических аспектов  
событий 1917 г.

ISBN 978-5-904819-98-9

©Авторы статей, 2017  
©ООО «Полторак»

*В.В. Алексеев*  
(Москва)

### **Образы большевиков на страницах газеты «Московский листок» между февралем и октябрём 1917 г.**

Падение монархии в конце февраля — начале марта 1917 г. существенно активизировало общественно-политическую жизнь России. Характерной чертой того времени стала резкая поляризация противостоящих друг другу политических партий и социальных сил. Каждая из сторон старалась представить противников в неприглядном виде. Для этого в первую очередь использовалась пресса, которая активно откликалась на злобу дня. Вполне закономерно, что газеты, имевшие прямое отношение к противоборствующим партийным структурам занимали ярко выраженную позицию конфронтации в отношении своих идеологических и социальных антагонистов. Недаром некий журналист в апреле 1917 г. риторически вопрошал: «Отражает ли настоящая свободная печать настроение всего общества? Возможно ли будет историку пользоваться газетным материалом нашего времени, чтобы уяснить себе картину великой русской революции 1917 года?.. Все внешние проявления переворота у нас, конечно, будут под рукой, но внутреннего настроения всего общества, самых разнообразных его слоев он не увидит и может впасть в выводах в грубейшую ошибку» [1]. Впрочем, существовала масса других печатных изданий, которые формально позиционировали себя в качестве внепартийных СМИ. В этом плане представляет интерес то, что писали такого рода газеты об одном из ведущих игроков на политической арене — партии большевиков, которая находилась на крайнем левом фланге революционного движения; в каком образе представляли лидеры РСДРП(б) перед читателями периодики.

В качестве источника информации для рассмотрения данного вопроса выбрана газета «Московский листок». Это было одно из первых в России периодических изданий, ориентированных на массовую аудиторию, которое было популярно среди жителей первопрестольной столицы. Четырехполосная газета выходила ежедневно, кроме праздничных

*Т.Г. Фруменкова  
(Санкт-Петербург)*

**«От гуда дрожит взбудораженный  
Смольный» [1, с. 267] (история размещения  
Исполкома Петроградского совета рабочих и  
солдатских депутатов в здании Смольного  
института в 1917 г.)**

Смольный вошел в традиционную историю Октября 1917 г. как «штаб революции». Между тем вопрос о том, как здание Смольного института благородных девиц стало центром руководства октябрьскими событиями, является недостаточно изученным. В массовом сознании творение Д. Кваренги представляется самовольно захваченным Исполкомом Совета, примерно так же, как занятый солдатами особняк М.Ф. Кшесинской, в котором вскоре разместились Петроградский комитет РСДРП(б) и ЦК РСДРП(б).

В действительности события, связанные с размещением Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в здании Смольного института, развивались следующим образом. Во время Первой мировой войны и особенно с приходом новой власти над помещениями, занятыми институтами и гимназиями, нависла реальная угроза. Добротные «объекты недвижимости» в центре обеих столиц и провинциальных городов, естественно, оказались в центре внимания. Думается, что действовали несколько факторов. Помещения действительно требовались — под госпитали, для новых государственных и общественных учреждений и функций. К тому же война, революция, а также планы реформировать учреждения ведомства заставили отпустить детей на каникулы раньше обычного, и в конце весны многие здания пустовали или почти пустовали. Под удар не случайно попали заведения, находившиеся под патронатом императрицы. После свержения монархии это облегчало наступление на них. Отнимать помещения у детей, среди которых было много сирот, было не совсем удобно. Однако постепенно возникает и начинает звучать все громче классовый мотив — в гимназиях и институтах

обучались преимущественно дети дворян и чиновников, то есть бар. Тем не менее воспитанницам, педагогам и прислуге Смольного института постоянно предлагали другие помещения взамен отнимаемого здания.

15 июня 1917 г. в институт явился Н.Д. Соколов, предъявивший удостоверение Исполкома. Он объяснил, что цель его прибытия — осмотр помещения «на предмет определения пригодности его для Совета солдатских и рабочих депутатов вследствие того, что Совет оставляет здание Государственной Думы, приспособляемое для Учредительного Собрания». На следующий день канцелярия Временного правительства представила министру государственного призрения копию заявления Совета по вопросу о передаче ему здания института. К тому времени был задуман срочный ремонт в Таврическом дворце, и члены Исполнительного комитета по его поручению отправились осматривать Петроградские общественные здания. По мнению Комитета, наиболее подходящим оказалось здание Смольного института «с прилегающим к нему ныне совершенно свободным большим зданием вдовьей половины» (Вдовьего дома. — Т.Ф.). Исполком решил, что примерно 100 воспитанниц и около 40 лиц педагогического персонала могут переселиться в соседний Александровский институт (в нем обнаружили только 35 из 400 штатных воспитанниц). Вспомнили, что у института есть также летняя дача в Сестрорецке на 60–70 детей. К тому же месяцем ранее был поставлен вопрос об «очищении» Ксениинского института, а комиссар по делам «бывшего Министерства двора» сообщил, что в дворцовых зданиях Царского Села могли бы разместиться около 100 воспитанниц. Опираясь на полученные сведения, Комитет вошел в правительство с представлением за подписью Н.С. Чхеидзе о передаче здания Смольного института в распоряжение Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов [2, л. 59–60 об.].

11 июля Временное правительство приняло решение о передаче Исполнительному комитету части здания Смольного института, и сразу же началось переселение. С большим трудом министерству с помощью совета института и родительского комитета удалось отстоять остальную часть здания. По сообщению председателя родительского комитета, Петроградскому совету была передана часть корпуса, «ныне занятая пришедшими с фронта войсковыми частями (14-й

выселенной из подвального этажа». Из-за «крайнего недостатка в Петрограде зал для общественных собраний и в виду того, что сейчас в распоряжении Комитета имеется лишь одна зала, вследствие чего одновременно не может заседать более одной секции Совета, нельзя не признать, что использование залы под общежитие прислуги, крайне для нее стеснительное, не является надлежащим использованием. С переселением институток и классных дам» в здании «можно было бы найти и совершенно изолировать необходимое число небольших комнат для прислуги..., а залу предоставить в распоряжение Всероссийского комитета» [2, л. 27–31].

Одновременно телефонная станция заявила о снятии двух институтских телефонных номеров и передаче их в распоряжение ВЦИК. Действия Совета вызвали резкую реакцию Министерства государственного призрения. «Ответить, что никакие помещения более не могут быть уступлены», — такую резолюцию наложил министр И. Ефремов на письмо ВЦИК.

На претензии ВЦИК из министерства последовал и решительный подробный ответ. Из него следовало, что «вызванное условиями войны временное закрытие некоторых учебных и воспитательных заведений поставило министерство... в весьма затруднительное положение относительно размещения воспитанниц, заботы о коих оно тем менее может предоставить одним родителям, что среди них имеется много детей офицеров (в отпуске письма слово “офицеров” было зачеркнуто, и вместо его написано: “воинских чинов”); авторы решили не подчеркивать сословное происхождение учениц. — Т.Ф.), частью уже павших, частью еще сражающихся на фронте, семьи коих находятся в весьма стесненных материальных условиях. Поэтому все имеющиеся еще в распоряжении министерства помещения ему безусловно необходимы для прямых их целей, тем более, что перевод учебных заведений в какие-либо пустующие дворцы оказался, по причинам техническим совершенно невыполнимым». Институту принадлежало «ценное и не поддающееся перевозке имущество». Министр не признал возможным исполнить новую просьбу Исполнительного комитета и обратил внимание на то, что от соседства обе стороны испытывают взаимные неудобства. «Если же Комитет ощущает некоторые неудобства в занятых им помещениях и от близкого соседства с институтом, то, конечно, последний претерпевает еще большие стеснения, — писал он. — Сюда, между прочим,

относятся и нарушения порядка, вытекающие от беспрепятственного сообщения между обеими частями здания». Кроме того, министр потребовал, чтобы руководители ВЦИК приняли меры «к устранению некоторых уже возникших... недоразумений. Вопреки точно указанным в акте 26 июля условиям, заняты самовольно кладовая и ледник института... Была попытка представить институту счет за исполненные для Комитета работы. Имеются сведения, что для нужд Комитета пользуются дровами института, а установление этого факта затрудняется тем, что представители хозяйственного управления встречают препятствия при обходе помещений. Между тем, эти лица, будучи ответственны за сохранение казенного имущества, конечно, не могут быть лишены права свободного доступа во всякое время во все части здания, особенно же подвалы, чердаки, дворы и т. п.» [2, л. 27, 34–35].

Часть Смольного института временно удалось отстоять, но в октябре 1917 г. институт покинул Петроград, а в 1919 г. — и Россию. Его здания, как известно, полностью получили административное назначение после Октября 1917 г. и по традиции сохраняют его до сих пор.

#### Литература и источники

1. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: Правда, 1973. С. 267.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 67. Д. 169.